P 78
1669

Р 78
1669
ф. 33-4463
2007041071

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Изъ сочиненій, только что вышедшихъ въ свѣтъ въ Германіи, равно какъ въ Россіи, *) и относящихся къ разнымъ частямъ и системамъ права, не можемъ не обратить вниманія читателя на слѣдующія:

1) Römisches und kanonisches Recht im deutschen Mittelalter, v. D-r Theodor Muther, Rostock, 1871.

2) Pandekten, v. D-r Baron, Prof. an der Univ. zu Berlin, Leipz. 1872.

3) La question électorale en Europe et en Amérique, par Ern Naville, Genève et Bâle, 1871.

4) Государство, Общество и право, съ точки зрѣнія законовъ народнаго хозяйства, Т. II, о раздѣленіи труда и пр. г Симоненко, Варшава, 1872 г.

5) Selfgovernment. Communalverfassung und Verwaltungsgerichte in England, v. D-r Rudolf Gneist, третье изданіе, Berlin, 1871. Одинъ томъ немножко болѣе, чѣмъ въ 1000 страницъ.

6) Reorganisation der inneren Verwaltung Preussens auf Grundlage der Selbstverwaltung, v. Graf. tl. de Grais, Berlin, 1871.

7) Selbsverwaltung in Preussen u. Selfgovernment in England. u. Nordamerika v. D-r Tellkampf, Prof. in. Breslau, Berlin, 1872.

8) О самоуправленіи, князя А. Васильчикова, Т. III, С.-Петербургъ, 1871 г.

1). По разсказу доктора Мутера, на о. Рюгенѣ досихъ поръ показываютъ путешествующимъ развалины одного весьма древняго монастыря. Но то не настоящія развалины зданія, а скорѣе

*) Писано въ январѣ 1872 г.

остатки первоначально недоконченнаго монастыря. Когда еще начинали выводить стѣны его, случилось рѣдкое для того времени событіе.

Однажды въ полномъ разгарѣ работы, строители вдругъ замѣтили приближающуюся къ нимъ толпу, среди и во главѣ которой особенно выдавались два каноника. Приблизившись къ зданію, одинъ изъ нихъ наклонился, поднялъ камень и бросилъ имъ въ стѣну, а затѣмъ была прочтена бумага, въ которой сказано, что, за силою брошеннаго теперь камня, отъ имени такого-то воспрещается продолженіе постройки. Дѣло происходило между духовными владѣльцами, которые жили и дѣйствовали въ то время по каноническому, или римскому праву, такъ что бросаніе камня служило символическимъ выраженіемъ для римскаго учрежденія operis novi nuciatio, т.-е. для протеста противъ возведенія вновь или противъ разрушенія прежняго построенія. Не удивляйтесь, говоритъ Мутеръ, что каноники очевидно показали тутъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ Corpus jur. civilis, или въ римскомъ правѣ. Несмотря на частыя запрещенія для духовныхъ лицъ изучать leges, т.-е. римское право, средневѣковое духовенство, владѣвшее исключительно латинскимъ дѣловымъ языкомъ, а потому необходимое для производства дѣлъ свѣтскихъ, часто не могло устоять противъ соблазна заниматься мірскими дѣлами, сулившими имъ почетъ, власть, богатство и наслажденія, неизвѣстныя въ стѣнахъ монастырей. Образуя исключительно изъ себя и собою церковь, какъ замкнутую корпорацію, да имѣя во главѣ Папу и Римъ, средневѣковое духовенство должно было повсюду знать, изучать и распространять свое каноническое право, частію основанное на римскомъ, служившемъ первоначально предметомъ для изученія въ Римѣ и въ Италіи, именно въ Болоньѣ, Падуѣ и другихъ городахъ юга. Какое то было знаніе и какое изученіе, когда во избѣжаніе всѣхъ затрудненій въ пониманіи законовъ, слѣпо держались Summa Ganfredi, или его компендіума,—это можно видѣть на приведенномъ у Мутера примѣрѣ какого-то Генриха фонъ-Кирхберга, твердо знавшаго только то, что римское право высоко стояло въ глазахъ королей и князей, епископовъ и городовъ. Такъ произошелъ классъ полуобразованныхъ адвокатовъ, противъ которыхъ сильно возмущался духъ нѣмецкаго народа,—которые употребляли свое полузнакомство съ иностранными правами, т.-е. съ каноническимъ и римскимъ для того, чтобы ста-

рые процессы дѣлать вѣчными, и порождать столько безконечные новые». Но, такъ какъ церковь, на западѣ, составляла въ средніе вѣка высшій авторитетъ, а феодальное государство — могущественную силу; то соединеннымъ дѣйствіемъ церкви и правительства народное право должно было на западѣ уступить мѣсто иноземнымъ. Римское право было наконецъ принято, jus receptum, а затѣмъ стало почти исключительно господствовать въ Германіи, несмотря на то, что сами Римляне признавали свое право своимъ, національнымъ, и что впослѣдствіи, при болѣе частыхъ сношеніяхъ съ иноземцами, сами допустили въ свою исключительную систему римскаго права новый элементъ—jus gentium, т. н. jus praetorium, jus bonitarium, etc. освящая такимъ образомъ и для другихъ идею національности права. Не поберечься ли и намъ стать романистами болѣе самихъ Римлянъ.

2). Пандекты профессора Барона начинаются опредѣленіемъ особаго пандектнаго права, которое въ Германіи составляетъ только часть *общаго права*, des gemeinen Rechts, состоящаго изъ Римскаго, Каноническаго, Лонгобардскаго лѣннаго и отечественнаго нѣмецкаго права. Первая составная часть этой амальгамы—римское право, принятое въ теченіе времени между половиной XV и половиной XVI вѣка, носитъ спеціально названіе права пандектъ.

Причины, или лучше поводы къ принятію римскаго права въ Германіи перечислены у Барона такъ: «недостатокъ историческаго чутья и знанія, вслѣдствіе чего уже при наслѣдникахъ Карла Великаго нѣмецкая имперія считается продолженіемъ римской монархіи; стремленіе нѣмецкихъ императоровъ перенести на свою личность могущество и единодержавіе римскихъ императоровъ; превосходство римскаго права и недостатки тогдашняго нѣмецкаго, не представлявшаго готовыхъ, руководительныхъ началъ; господство римскаго права въ церкви, и вторженіе докторовъ права въ администрацію и въ судъ, особенно, при развитіи юридическихъ факультетовъ. Наконецъ судьи стали давать присягу, судить по римскому праву, и многіе ученые, собственно романисты стали доказывать, что римское право принято не токмо въ пособіе и дополненіе отечественнаго, а все сполна, для полнаго господства тамъ гдѣ нѣтъ особыхъ узаконеній, ограничивающихъ его примѣненіе». Весьма знаменательно, что въ Германіи все еще спорятъ объ этомъ способѣ и размѣрѣ примѣненія римскаго права, допуская, стало быть, въ принципѣ

совмѣстное дѣйствіе римскаго, каноническаго, нѣмецкаго и даже лонгобардскаго правъ, и потребность совмѣстнаго изученія всѣхъ этихъ системъ права. Урокъ и примѣръ для нашихъ пандектистовъ, которые, кажется, хотѣли бы собственною эрудиціею замѣнить отечественное законодательство, называя его казуальнымъ, или казуистическимъ, какъ будто leges, plebiscita, edicta у Римлянъ не были въ свое время столько же казуальными, или казуистическими. Всякое живое право непремѣнно казуистично и только наука возводитъ его въ систему принциповъ. Столько же знаменательно положеніе отмѣченное Барономъ въ § объ источникахъ пандектъ,—положеніе по которому, при встрѣчѣ въ Corpus juris съ греческимъ текстомъ римскаго закона, противорѣчащимъ, или несогласнымъ съ переводомъ его у Глоссаторовъ, плохо знавшихъ греческій языкъ, по началу: graeca non leguntur, текстъ перевода Глоссаторовъ признается за настоящее выраженіе воли законодателя. Стало быть, римское право пандектъ не вполнѣ и не чисто римское право, тѣмъ болѣе, что въ это пандектное римское право вносятся и перемѣны, произведенныя въ римскомъ народными нѣмецкими законами и обычаями. Должно ли намъ слѣдовать положеніямъ пандектистовъ о римскомъ правѣ, или самостоятельно изучать чистое, purum et merum jus romanum — вотъ насущный вопросъ для нашихъ факультетовъ. Что до Германіи, понятно, почему въ ея университетахъ и факультетахъ, повсюду съ пандектъ начинается серьозное изученіе права и юриспруденціи, — изученіе которое несомнѣнно должно было имѣть и имѣетъ весьма сильное, но особое вліяніе на юридическія возрѣнія нѣмецкихъ и вообще западныхъ ученыхъ. Это — азбука для западныхъ юристовъ, ихъ грамматика, ихъ юридическая логика.

Такъ пандектистъ Баронъ, говоря о понятіи права, толкуетъ вообще о правѣ, хотя собственно его дѣло—право частное, гражденское, имущественное. Вотъ почему, слѣдуя за пандектистами, придетъ къ отрицанію всякаго другаго права, кромѣ частнаго, гражданскаго. Такъ далѣе пандектистъ говоря о субъектѣ правъ, толкуетъ вообще объ этомъ субъектѣ, признавая за нимъ однакожъ только права имущественныя, такъ что, пожалуй, въ школѣ будутъ отрицать у самыхъ обществъ значеніе субъектовъ. Какъ извѣстно, пандектисты называютъ субъектомъ правъ только лицо физическое, да искусственно распространенное, или вымышленное лицо юридическое, и формально опускаютъ изъ

виду дѣйствительно существующее общество. Далѣе пандектисты, допуская, по требованію современной жизни, разширеніе понятія о лицѣ, забываютъ подобное требованіе относительно разширенія понятія о предметѣ или объектѣ. Нельзя же въ наше время не остановиться на понятіи о такъ называемой литературной и художественной собственности, равно какъ на понятіи о телеграфѣ, о пути сообщенія и дорогѣ, о землѣ въ городѣ, о владѣніи земства, или общины,—вообще о такихъ предметахъ и правахъ на нихъ, которые не были извѣстны древнему Риму. Впрочемъ въ Германіи исключительность воззрѣнія пандектистовъ можетъ не быть такъ вредною потому что, на ряду съ римскимъ, тамъ изучаются и каноническое и ленное и нѣмецкое право. Но такъ ли безвредна узкость воззрѣнія въ другихъ странахъ? Да и на западѣ она не безслѣдна.

Самое существенное въ правѣ—ученіе о субъектахъ и ихъ установленіе. По воззрѣнію пандектистовъ, физическое лицо, по преимуществу, или исключительно есть субъектъ права. Въ тоже время наука каноническаго права и леннаго союза, или система нѣмецкаго права установляютъ необходимыя дополненія къ положенію пандектистовъ, говоря, что и церковь имѣетъ права, хотя ни церковь, ни народъ не суть физическія лица, ни даже фикціи, а реальныя, дѣйствительныя существа — общества. Эти же права, каноническое, ленное, народное служатъ далѣе для уравновѣшенія— стремящагося къ преобладанію узкаго воззрѣнія пандектистовъ на объекты права и на самую природу правъ, доказывая напр. что могутъ существовать права на школы и ихъ учрежденіе, и существуютъ вліяніе и власть церкви на религіозную жизнь народа, равно какъ власть народной жизни и ея вліяніе на обычаи страны, а съ тѣмъ вмѣстѣ на ея законодательство и право. Принимая положеніе пандектистовъ, по которому права принадлежатъ только физическимъ лицамъ, да ихъ договорнымъ соединеніямъ—лицамъ юридическимъ, становится необъяснимымъ, почему вносятъ они въ пандектную свою систему семейное право, или право семьи, не имѣющей значенія ни лица физическаго, ни лица юридическаго. Но и помимо этой аномаліи, даже на западѣ Европы, гдѣ на ряду пандектнаго римскаго права съ его физическимъ лицомъ, какъ исключительнымъ субъектомъ правъ, существуютъ еще права каноническое, ленное, народное, есть много явленій анормальныхъ, неправильныхъ, происходящихъ именно отъ узкаго воззрѣнія пан-

дектнаго римскаго права. Для доказательства перенесемся въ область политики, по поводу сочиненія Навиля.

3). Эрнестъ Навиль собралъ большой запасъ разныхъ извѣстій изъ жизни Европы и Америки для доказательства той мысли, что старинный способъ выборовъ въ депутаты для народнаго представительства и не справедливъ и вреденъ. Вѣроятно, извѣстно многимъ, что въ Женевѣ образовалось, существуетъ и дѣйствуетъ особое общество, association reformiste, съ цѣлію повсюду измѣнить старый порядокъ выборовъ, и повсюду рекомендовать и вводить новый. Старый, или теперь повсюду дѣйствующій способъ выборовъ состоитъ въ томъ, что большинство избирателей рѣшаетъ вопросъ объ избраніи того, или другаго лица въ депутаты. Для этого страна дѣлится на избирательные округи, и въ каждомъ округѣ тотъ изъ кандидатовъ правительства, или оппозиціи, тори, или вигъ признается избраннымъ, который имѣетъ за себя большинство голосовъ въ округѣ. Просто и понятно. Въ новой системѣ выборовъ, населеніе страны, или количество голосовъ и физическихъ лицъ раздѣляется на число депутатовъ, требуемыхъ закономъ въ палату, и полученное въ частномъ числѣ количество физическихъ лицъ, составляя изъ себя избирательную коллегію, своимъ выборомъ творитъ своего представителя, или депутата, для того, говорятъ провозвѣстники новой системы, чтобы каждое мнѣніе имѣло въ палатѣ своего представителя. Противъ этого ариѳметически, но не юридически справедливаго способа избранія депутатовъ въ Англіи, въ 1867 г. въ парламентѣ говорили, что палата общинъ должна состоять не изъ знаменитостей, а изъ практическихъ людей мѣстности, а въ Times писали что «собраніе, въ которомъ будутъ засѣдать представители мнѣній, станетъ Вавилономъ, Лилипутомъ, хаосомъ и ничѣмъ больше». Очевидно, что новая система выборовъ построится на той идеѣ пандектнаго, или римскаго права, по которой субъектомъ права признается физическое лицо, а старый порядокъ избранія основывается на идеѣ противоположной, по которой депутатъ есть только представитель народа и той, или другой его мѣстности. По новому плану выборовъ, въ парламентѣ будутъ высказываться, защищаться и бороться мнѣнія частныхъ лицъ, а по старому, какъ доселѣ, тутъ высказываются, защищаются и борются общіе интересы, общія потребности, общія начала, сознанныя въ разныхъ мѣстностяхъ страны, по нашему, въ разныхъ земствахъ народа. Если земства, графства,

провинціи, города, села, семейства дѣйствительно только фикціи; то останется примкнуть къ association reformiste и ожидать поголовной подачи голосовъ, да наполеоновскихъ плебисцитовъ.

4). Къ тому же даетъ поводъ построеніе политической экономіи, какъ то видно даже изъ сочиненія нашего молодаго, но весьма начитаннаго ученаго, г. Симоненко, по видимому желающаго пробить новую тропу въ области его спеціальности, а потому вездѣ говорящаго объ обществѣ, общественномъ организмѣ, о соціальныхъ наукахъ и даже соціологіи. Второй томъ его сочиненія, лежащій передъ нами, занятъ спеціально вопросомъ о раздѣленіи труда и объ отношеніи къ этому вопросу разныхъ теорій государственной дѣятельности. Кто не слыхалъ про раздѣленіе работы, или труда, «кто самъ не толковалъ про это раздѣленіе? Но, какъ бы кто ни относился къ вопросу о раздѣленіи; кажется, никто серіозно не думалъ на этомъ понятіи строить общежитіе, подобно г. Вагнеру, въ его статьѣ: куда идетъ зоологія *), или подобно нашему автору. Раздѣленіе, рознь и общежитіе—понятія, уже съ перваго раза взаимно исключающія одно другое. Между тѣмъ нашъ авторъ, недовольствующійся античнымъ выраженіемъ, что человѣкъ—существо общественное, по своей индивидуальной безпомощности стремящееся къ общежитію, именно въ раздѣленіи труда находитъ объясненіе сущности общественнаго лица, основаніе для общежитія,—кристаллическую форму государства,—остовъ общественнаго тѣла и жизненную форму человѣчества, и пр. и пр. однимъ словомъ, авторъ силится тутъ найдти для права экономическую основу, или построить право на экономическихъ началахъ. Но несомнѣнно, что для раздѣленія нужна какая-нибудь цѣлость, цѣлая величина, которая, естественно, и въ мірѣ дѣйствительномъ, и въ сферѣ мышленія должна предшествовать акту дѣленія. Вѣдь счастливая идея о раздѣленіи пришла А. Смиту при видѣ и при мысли о фабрикѣ, гдѣ собрано во едино множество рабочихъ и другихъ силъ для одного извѣстнаго производства. Сначала надо собрать, составить, найти, или открыть единство, или организмъ, тѣло, государство, или общество, и уже послѣ того думать объ ихъ дробленіи, дѣленіи, раздѣленіи. Такъ фабрика есть что-то цѣлое, и, по опредѣленной задачѣ производства, направленное

*) Вѣстн. Европы, № 12 за 1871 г.

къ единству, напр. къ одному производству иголокъ, или булавокъ и т. д. Безъ дальныхъ соображеній, всякому понятно, что это производство будетъ болѣе успѣшно, если, не поручая его каждому рабочему вполнѣ, раздѣлите его между разными рабочими, заставивъ одного тянуть проволоку, — другаго — дробить проволоку на опредѣленныя равныя части, —третьяго—завастривать и т. д., такъ что только изъ суммы разныхъ работъ надъ проволокою получится масса иголокъ. Но тутъ раздѣлалось одно производство, и раздѣлялось между соединенными на фабрикѣ рабочими; стало быть, единство и соединеніе предшествовали раздѣленію, а не были слѣдствіемъ раздѣленія. Итакъ повсюду и всегда раздѣленіе опредѣляется связью частей, или элементовъ цѣлаго, если хочетъ быть разумнымъ и полезнымъ.. Какъ же случилось, что нашъ авторъ допустилъ такое hysteron proteron? Потому что держится принятыхъ положеній, вошедшихъ въ политическую экономію цѣликомъ изъ пандектнаго права и изъ его ученія о физическихъ лицахъ, какъ исключительныхъ субъектахъ и факторахъ въ правѣ и въ жизни, чѣмъ физическія лица разсматриваются, какъ равныя одинаковыя силы и существа, а не какъ люди, съ ихъ безконечно различными нуждами и средствами. Нѣтъ, человѣческое общество не составляется произвольно изъ такихъ физическихъ лицъ, а существуетъ такъ же самостоятельно какъ сами лица физическія, и составляетъ изъ себя цѣлыя тѣла и организмъ, подобно органическому тѣлу физическаго лица. Не раздѣленіе труда составляетъ общества, а общества требуютъ для своихъ цѣлей раздѣленія труда. Вездѣ въ природѣ синтезъ предшествуетъ анализу. Раздѣленіе труда есть только одинъ изъ законовъ, по которымъ совершается процессъ общественной жизни, а не самое основаніе общежитія. Общее дѣло раздѣляется въ моментъ своего производства только для успѣшнаго совершенія частей того же общаго дѣла. Стало быть, послѣ каждаго акта производства опять настаетъ и возстановляется единство, которое по этому совершенно не зависитъ отъ раздѣленія труда. Надо сверхъ того отличать раздѣленіе, дѣленіе, дробленіе отъ разложенія, анализа. Первое имѣетъ преимущественно въ мірѣ физическомъ, и состоитъ въ дѣленіи суммы, или цѣлаго на части равныя, или пропорціональныя до безконечности. Второе относится по преимуществу къ быту духовному, и состоитъ въ размѣреніи извѣстнаго единства, или синтеза, или организма на его существенные моменты, или эле-

менты, и не далѣе. Для дѣленія нѣтъ предѣловъ, и оно можетъ совершаться произвольно на большія, или на меньшія части и доли. Такое дѣленіе въ государственной сферѣ выражается формулою: divide et impera, или началомъ деспотизма и уничтоженіемъ общественнаго, народнаго единства. Для анализа же существуютъ предѣлы, и они даны въ правахъ личности и въ правахъ общества, которыя, бывъ признаны, только скрѣпляютъ единство государственное, и даютъ организму государства силу и прочность. Элементы общественности, какъ органы одного тѣла, естественно, не равны, и именно это-то неравенство служитъ поводомъ къ общественности. Равное раздѣленіе, какъ дѣленіе работъ въ смыслѣ экономическомъ, неминуемо приведетъ къ распаденію общества. Сумма останется тою же, но безъ единства, подобно современной Франціи, которая пала политически не отъ непризнанія раздѣленія труда, а отъ его механическаго пониманія и равнаго приложенія ко всѣмъ различнымъ гражданамъ—людямъ, какъ къ одинаковымъ физическимъ лицамъ. Такое равенство только губитъ свободу и Франція пала не отъ недостатка, а отъ излишества раздѣленія. Объясненіемъ нашихъ мыслей можетъ послужить изслѣдованіе Гнейста надъ англійскимъ самоуправленіемъ.

5). Selfgovernment—модное слово, нѣчто въ родѣ послѣдняго слова западной науки. Гнейстъ изложилъ въ приведенномъ сочиненіи всю систему англійскаго самоуправленія, раздѣливъ изложеніе на четыре книги, изъ которыхъ первая посвящена указанію на историческія основы англійскаго самоуправленія.—вторая—описанію чиновнаго (obrigkeitlich) самоуправленія,—третья—изслѣдованію хозяйственнаго (мѣстнаго, общиннаго) самоуправленія, соединенно съ корпоративнымъ,—и четвертая, послѣдняя книга Гнейста занята выводами, извлекаемыми авторомъ изъ предшедшаго изложенія, подъ заглавіемъ: примѣнимые принципы, die anwendbaren Grundsätze.—Изъ исторіи англійскаго самоуправленія нельзя не видѣть той связи, въ которой находятся управленіе страны и поземельное право, господствующее въ ней. «Завоеваніе британскаго острова, совершенное Саксами, Англами и Ютами съ половины V стол., имѣетъ характеръ постепеннаго, но непрерывно развивающагося захвата земли и отнятія ея у Кельтовъ». «Раздѣлъ занятой земли происходитъ не между побѣдителями и побѣжденными, а только между побѣдителями». Да и между ними скоро происходитъ неравенст-

ПУБЛ. ИСТ. МУЗЕЙ имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.

во въ поземельномъ владѣніи, и въ господствѣ надъ тѣми, кто сидѣлъ на ихъ землѣ. Владѣтельный родъ Цердиковъ мало-по-малу становится господствующимъ въ странѣ въ военномъ, судебномъ и богослужебномъ отношеніяхъ, но не исключительно, а раздѣляя свое господство съ землевладѣтельными классами, которые такимъ образомъ сами участвуютъ въ этихъ функціяхъ государственной власти въ предѣлахъ своего владѣнія.

«Такъ государственная власть, являясь дѣйствующею на мѣстѣ, örtlich, составляетъ съ этого момента первую историческую основу англійскаго самоуправленія.» Съ норманскаго завоеванія, земля Англіи принадлежитъ уже не населенію, или его классамъ, а лично одному Вильгельму, какъ наслѣднику по завѣщанію. Всѣ остальные владѣльцы могутъ получить землю только отъ короля, только подъ условіемъ вѣрности и службы, только во временное владѣніе, въ ленъ, въ помѣстье. Получая землю отъ короля, естественно, каждый владѣлецъ получалъ ее съ частію тѣхъ преимуществъ и функцій, которыя принадлежали самому королю, и соединяясь по сосѣдству владѣнія въ графства, сотни и другіе округа, землевладѣльцы содѣйствуютъ установленію мѣстнаго самоуправленія по дѣламъ суда, податей, военнаго дѣла и т. п. Въ послѣдующіе вѣка эти основы только болѣе точно опредѣлялись и только болѣе полно развивались, такъ что въ XVIII вѣкѣ стало совершенно яснымъ, что предметы самоуправленія въ Англіи были общіе какъ для государственнаго, такъ и для мѣстнаго управленія,—что мѣстнымъ управленіемъ завѣдывали графства, города и приходы, и что мѣстность управленія выражалась въ мѣстныхъ чинахъ и въ мѣстныхъ податяхъ, или сборахъ. Къ мѣстнымъ чинамъ относились шерифы, лорды-лейтенанты, мировые судьи, коронеры, констабли, дорожные надзиратели, церковные старосты и надзиратели за бѣдными, наконецъ городскіе чины отъ бургомистровъ до констаблей. Мѣстные сборы, совершались по графствамъ, по городамъ, по приходамъ, то на пользу бѣдныхъ, то для дорожнаго дѣла, то для государственнаго хозяйства, послили сообразныя съ назначеніемъ и съ мѣстностію названія, и въ соединеніи съ мѣстными чинами, образовали англійское selfgovernment.

Итакъ англійское самоуправленіе собственно есть государственное управленіе, совершаемое на мѣстѣ, или мѣстными чинами, при посредствѣ мѣстныхъ сборовъ, т.-е. децентрализа-

ція. «Предметомъ самоуправленія, въ Англіи, служатъ не собственныя дѣла мѣстности, а государственныя функціи. Чины этого самоуправленія имѣютъ чистый характеръ государственныхъ чиновниковъ, Staatsämter. И таково историческое значеніе англійскаго сумоуправленія, что по убѣжденію Гнейста, нѣтъ въ этомъ устройствѣ ни чина, ни сбора, или налога, который можно было бы перенести на другую почву и примѣнить къ другимъ отношеніямъ». Прибавимъ отъ себя, что такая прирожденность, или исключительная народность англійскаго самоуправленія составляетъ характеръ не только чиновнаго, но и хозяйственнаго, собственно мѣстнаго самоуправленія Англіи, что̀ можно видѣть изъ самаго круга дѣйствій этого мѣстнаго управленія. По англійскимъ законамъ и обычаямъ къ мѣстному, въ этомъ смыслѣ самоуправленію относится только слѣдующіе четыре вопроса: о церквахъ, о бѣдныхъ, о народномъ здравіи,— о путяхъ сообщенія. Но тѣ выводы, которые Гнейстъ дѣлаетъ изъ учрежденія столько народнаго и которые онъ помѣщаетъ въ послѣдней книгѣ своего сочиненія подъ названіемъ: die anwendbaren Gründsätze, представляютъ дѣло въ другомъ свѣтѣ и въ другомъ образѣ, доступномъ для континента. Опуская при этомъ отдѣлъ о чиновномъ самоуправленіи, какъ не имѣющемъ у насъ никакого значенія, остановимся на положеніяхъ Гнейста относительно мѣстнаго, или хозяйственнаго̀ самоуправленія составляющаго полную аналогію съ нашими земскими учрежденіями. *Понятіе самоуправленія*—это право мѣстныхъ жителей составлять для себя обязательныя постановленія, Beschliessungsrecht. *Законныя опредѣленія* для самоуправленія должны истекать не изъ общихъ государственныхъ узаконеній, а непосредственно изъ постановленій округовъ и общинъ, Kreis- und Gemeindeordnungen. *Предметомъ* самоуправленія должны быть не государственныя функціи, а общественные мѣстные интересы, начиная съ поземельнаго владѣнія. *Округи* для самоуправленія обозначаются округами общинъ, городовъ, дистриктовъ. *Органы* этого самоуправленія являются исполнителями мѣстныхъ интересовъ и постановленій, и т. д. и т. д.

Общая мысль книги Гнейста вкратцѣ можетъ быть выражена тѣмъ, что хотя слово самоуправленіе впервые явилось въ Англіи, хотя это англійское самоуправленіе исторически представляется только децентрализаціей государственной администраціи; но дѣло самоуправленія есть дѣло общечеловѣческое, основан-

ное на необходимости признать за мѣстными, по нашему, земскими обществами права особо имъ принадлежащія, какъ самостоятельность и довѣрить этимъ обществамъ распоряженіе ихъ правами, какъ самоуправленіе. Такимъ образомъ мы можемъ разсматривать это сочиненіе Гнейста, какъ ученое обоснованіе для нашихъ земскихъ учрежденій, подобно тому какъ оно признается ученымъ основаніемъ для самоуправленія въ Германіи, напр. въ сочиненіи о преобразованіи внутренняго управленія Пруссіи и т. д. графа де-Гре.

6. Графъ де-Гре начинаетъ свою брошюру положеніемъ, по которому государственная дѣятельность находитъ естественные разумные предѣлы въ самодѣятельности мѣстныхъ, меньшихъ, но болѣе тѣсныхъ союзовъ. Вотъ почему самоуправленіе содѣлалось, говоритъ авторъ, лозунгомъ для всѣхъ партій. Надо сознаться, продолжаетъ онъ, что современная прусская администрація не наблюдаетъ этихъ естественныхъ своихъ предѣловъ, и вмѣшивается въ экономическій бытъ частныхъ лицъ и общинъ гораздо болѣе того, сколько дозволительно при теперешнемъ состояніи общественныхъ интересовъ и народнаго образованія въ Пруссіи. Между тѣмъ расширеніе участія мѣстности и населенія въ управленіи требуется самымъ государственнымъ устройствомъ Пруссіи. Самоуправленіе служитъ хорошею школою для образованія общественныхъ дѣятелей,— облагораживаетъ и возвышаетъ отдѣльныя личности до самопожертвованія, и воспитываетъ всякаго къ свободѣ въ порядкѣ,— любимое выраженіе нѣмецкихъ писателей, проповѣдывающихъ гармонію между свободою и порядкомъ. Но не довольно для устройства самоуправленія въ странѣ принять ту—другую изъ существующихъ за границею готовыхъ системъ самоуправленія, или сочинить произвольную апріорическую систему. Должно принять въ соображеніе существующія обстоятельства и отношенія и устроить самоуправленіе на основахъ существующаго, фактическаго состоянія страны. Такова цѣль автора «преобразованія управленія въ Пруссіи».

Авторъ не хлопочетъ объ установленіи, или объ отысканіи предѣловъ и границъ между государственнымъ управленіемъ и мѣстнымъ самоуправленіемъ, особенно потому что признаетъ это самоуправленіе только участіемъ и содѣйствіемъ населенія государственной администраціи и занимается исключительно вопросомъ о формахъ этого участія и содѣйствія. При этомъ

графъ де-Гре останавливается на трехъ формахъ, на трехъ инстанціяхъ самоуправленія, начиная съ мѣстной общины, ortsgemeinde, переходя затѣмъ къ округу, Kreis, по нашему къ уѣзду, и кончая провинціей, губерніей и рѣшительно отрицая и отвергая такъ называемую въ прусск. законахъ и законопроэктахъ чиновную общину, Amtsgemeinde, нѣчто аналогическое, или схожее съ нашею волостію. И нельзя не согласиться съ авторомъ, что введеніе волости въ число трехъ указанныхъ организмовъ самоуправленія произведетъ только путаницу. Но въ Пруссіи и въ Германіи, кромѣ того, существуютъ особыя затрудненія для устройства самихъ общинъ, по причинѣ громаднаго различія между тамошними деревнями, Dörfer и городами равно какъ между поселеніями крестьянъ, чаще всего живущихъ въ разсыпную, in Höfen и усадьбами крупныхъ землевладѣльцевъ, съ ихъ Rittergüter etc. Такъ, что вообще въ Германіи установленіе субъэктовъ, или факторовъ самоуправленія весьма трудно, въ наше время. Разрушая столько вѣковъ свои общины, во имя централизаціи, Германія теперь имѣетъ новую задачу возсоздать и создать ихъ, для самоуправленія.

На этомъ основаніи мы, съ своей стороны, признаемъ вопросами мѣстными, не имѣющими общаго ученаго интереса, всѣ положенія графа де-Гре объ общинѣ, объ округѣ и провинціи, и переходимъ къ послѣдней части сочиненія, говорящей о приведеніи въ дѣйствіе началъ реорганизаціи, изложенныхъ авторомъ. При этомъ опять встрѣчаемъ ту мѣстную, Германіи, или западу свойственную особенность, по которой тамъ самоуправленію сообщается значеніе государственнаго, только выполняемаго на мѣстѣ самымъ населеніемъ. «Государство и община не составляютъ противоположности», вотъ сущность и основа воззрѣнія. Мы очень хорошо знаемъ, что нѣтъ и быть не можетъ противорѣчія между государственной администраціей и земскимъ самоуправленіемъ, подобно тому, какъ между государственнымъ управленіемъ и частными правами гражданъ. Но въ тоже время мы увѣрены, что нельзя никому не видѣть различія между тѣмъ другимъ и третьимъ, и что это различіе состоитъ не въ одномъ географическомъ объемѣ дѣйствія, но существенно лежитъ въ самой природѣ вѣдомства, или объекта. Такимъ образомъ, не сомнѣнно, война и миръ, законодательство и судъ, равно какъ общее управленіе страною принадлежитъ исключительно къ функціямъ государства, подобно тому, какъ несомнѣнно власть

и распоряженія по имуществамъ въ домѣ и въ полѣ исключительно принадлежатъ хозяину этихъ имуществъ, домовъ и полей. Остается вопросъ, есть ли у общинъ, у селъ и городовъ, или у земствъ уѣздныхъ и губернскихъ такіе предметы исключительнаго распоряженія, которые не входятъ въ область частнаго права, но такъ же не должны быть втискиваемы въ кругъ общей государственной администраціи? На этотъ вопросъ мы русскіе отвѣчаемъ, согласно закону 1864, янв. 1, утвердительно; но такъ же утвердительно отвѣчаютъ на него и западные писатели въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорятъ о вѣдомствѣ или объемѣ своего «самоуправленія», только по историческимъ причинамъ, то расширяя сверхъ мѣры это вѣдомство, то съуживая безъ основанія объемъ своего самоуправленія. Такъ напр. графъ де-Гре сюда причисляетъ и корпусъ жандармовъ, и исполнительную полицію, и надзоръ за сходбищами, тайными обществами, книгопечатаніемъ и т. д. и т. д., хотя очевидно, тутъ должно дѣйствовать правительство, равно какъ въ дѣлѣ сбора податей, отправленія воинской повинности, устройства и отправленія правосудія. Когда нѣмецкіе ученые обратятъ свое вниманіе на вѣдомство, принадлежащее исключительно ихъ общинамъ и округамъ, тогда они уяснятъ себѣ какъ органы самоуправленія, такъ и самый смыслъ этого принципа. До тѣхъ поръ ихъ сочиненія о самоуправленіи важны для насъ только тою общею стороною, по которой они излагаютъ важность и великое значеніе и вліяніе принципа самоуправленія.

7. Въ этомъ отношеніи профессоръ Телькампфъ высказалъ, въ приведенномъ своемъ сочиненіи, весьма много важныхъ истинъ. «Трудная проблема—согласить и примирить свободу съ порядкомъ въ государствѣ разрѣшается только при помощи самоуправленія. Французская бюрократія, ставя каждаго въ изолированное положеніе, толкаетъ его къ эгоизму и къ матеріальному наслажденію. Самоуправленіе развиваетъ характеръ общественныхъ дѣятелей и пріучаетъ народъ къ законному пользованію свободой». «Но самоуправленіе должно соотвѣтствовать свойствамъ и развитію народа. Первоначально, здоровое, разумное самоуправленіе составляло достояніе всей германской расы и уничтоженное въ нѣмецкихъ селахъ, сохранялось въ нѣмецкихъ городахъ даже въ средніе вѣка; но особенно развилось въ Англіи, равно какъ въ сѣверной Америкѣ, среди англійскихъ выходцевъ». На этомъ историческомъ основаніи, Телькампфъ

раздѣляетъ свою книгу на три отдѣла, изъ которыхъ первый посвященъ изложенію нѣмецкаго самоуправленія, второй англійскаго, а третій американскаго selfgovernment.

Прежде чѣмъ перейти къ подробностямъ, намъ бы хотѣлось остановить вниманіе читателей на положеніи автора относительно того, будто бы самоуправленіе есть учрежденіе исключительно германской расы. Такое положеніе, конечно, не вызоветъ протеста нѣмецкой науки, разсматривающей всѣ свои вопросы только въ ихъ примѣненіи къ народамъ нѣмецкой, германской расы и къ націямъ романскаго происхожденія и забывающей про весь славянскій міръ; но мы не можемъ, не должны молчаніемъ пройдти такую непростительную забывчивость нѣмецкой науки и обязаны напомнить при этомъ про нашу древнѣйшую вервь Русск. Правды,—про наши вѣча въ удѣльный періодъ,—про нашу земщину, во всю ширину древней русской исторіи,—про наши села и сельскіе сходы, на всемъ пространствѣ русской земли и т. п., для доказательства, что славяне, русскій народъ искони имѣлъ расположеніе къ самоуправленію и во многихъ случаяхъ, развилъ его до учрежденій, имѣющихъ всю аналогію съ учрежденіями западнаго германскаго самоуправленія.

Самъ авторъ долженъ признать справедливость нашего положенія, потому что говоря объ условіяхъ для самоуправленія, онъ не видитъ ихъ только въ романской національности, совершенно отличной отъ русской. «Романскіе народы, говоритъ онъ разумѣется по началу Римлянъ, стремятся съ безусловному единству, къ военной дисциплинѣ, къ церковной іерархіи, къ бюрократической централизаціи, потому что они страстны, честолюбивы, склонны къ наслажденіямъ, и потому менѣе нѣмецкихъ народовъ способны къ самообладанію или къ самоуправленію и къ гармоническому сліянію свободы съ порядкомъ». Мысль совершенно вѣрная; только она выражена не точно, по причинѣ того піэтета, который нѣмецкіе ученые питаютъ къ римскимъ началамъ личности. Должно было бы прибавить, что у народовъ романскихъ господствуетъ стремленіе къ безусловному *личному* единству, къ дисциплинѣ и къ іерархіи, воплощаемыхъ единичными личностями, и къ бюрократіи, во главѣ которой стоятъ отдѣльные приказные, выражаясь по русски, въ отличіе отъ людей земскихъ. Равномѣрно должно было бы прибавить, что романскіе народы жадны до наслажденій преиму-

щественно *чувственныхъ*, *матеріальныхъ*, о чемъ заявилъ авторъ на первой страницѣ сочиненія.

«Существо самоуправленія, продолжаетъ Телькампфъ, состоитъ въ самостоятельномъ распоряженіи дѣлами общинъ и уѣздовъ или округовъ и областей, со стороны и на счетъ ихъ мѣстныхъ жителей, посредствомъ выборныхъ мѣстныхъ властей. Въ самоуправленіи общинъ заключена сила свободныхъ народовъ. Хорошее самоуправленіе общинъ служитъ условіемъ для осуществленія самоуправленія въ округахъ, областяхъ и провинціяхъ».

«Выборъ мѣстныхъ властей есть выраженіе довѣрія согражданъ» и т. д. «Для совершенія выборовъ по закону Пруссіи, образуются въ каждой мѣстности, три съѣзда, или схода избирателей, а именно: съѣздъ большихъ землевладѣльцевъ,—съѣздъ представителей отъ сельскихъ общинъ, и съѣздъ представителей отъ города». (Почти буквальное указаніе на рус. законъ 1864, янв. 1) Авторъ говоритъ, что въ Пруссіи готовится новый законо-проэктъ о дѣлѣ, а потому онъ «ограничивается замѣчаніемъ, по которому раздѣленіе избиратетелей на три коллегіи неминуемо поведетъ къ сословной неравномѣрности въ правахъ» чего конечно, авторъ не можетъ одобрить. Другими словами, Телькампфъ стоитъ за сліяніе сословій, при самоуправленіи, такъ же точно, какъ это должно быть и у насъ въ земствѣ.

Далѣе авторъ излагаетъ самостоятельное управленіе въ общинахъ, въ округахъ и въ провинціяхъ, и отношенія, возникающія между самоуправленіемъ и государственнымъ управленіемъ въ Пруссіи; послѣ чего слѣдуетъ у него Selfgovernment въ Англіи и въ Америкѣ. Нельзя при этомъ не отмѣтить различіи во взглядахъ графа де-Гре, отрицающаго Amtsgemeinde и профессора Телькампфа, защищающаго эту составную общину; равномѣрно нельзя не упомянуть о различіи воззрѣній Телькампфа и кн. Васильчикова на вѣдомство самоуправленія. Тогда какъ нашъ соотечественникъ считаетъ дѣломъ самоуправленія и государственныя дѣла, подати, повинности, судъ и т. п., профессоръ Телькампфъ отличаетъ вѣдомство самоуправленія отъ дѣлъ государств. управленія и требуетъ формальнаго законнаго разграниченія этого вѣдомства, съ чѣмъ невозможно не согласиться разумѣя подъ самоуправленіемъ не одну децентрализацію, а самостоятельное управленіе мѣстныхъ жителей ихъ собственными общими дѣлами.

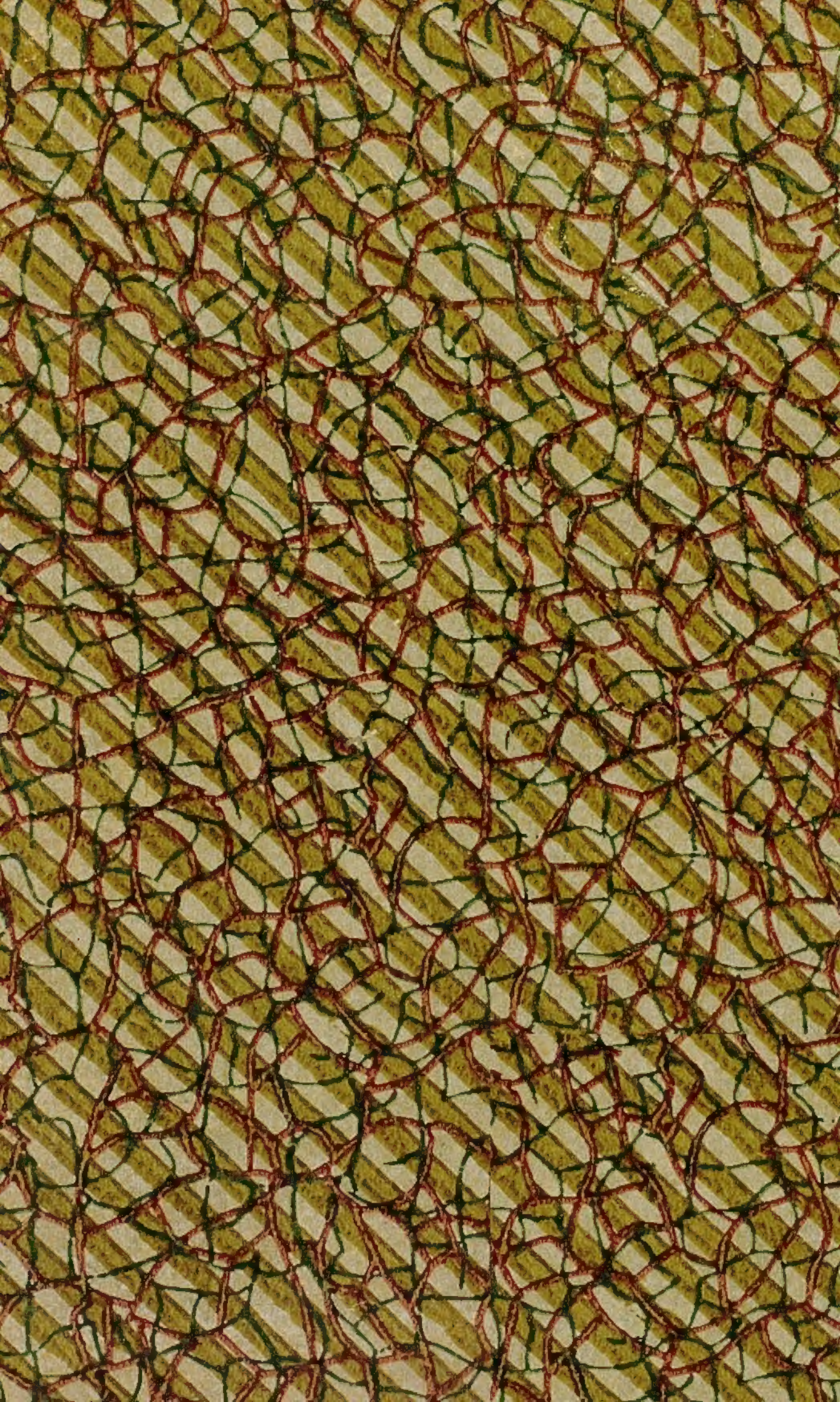
8. Послѣдній, третій томъ сочиненія кн. Васильчикова, о

самоуправленіи, посвященъ вопросу о земскихъ сборахъ, смѣтахъ и раскладкахъ, начиная съ мѣстныхъ сборовъ Англіи,— добавочныхъ сантимахъ Франціи и сборовъ въ Пруссіи, и заключая земскими смѣтами раскладками въ Россіи, какъ до реформы 1864 г., такъ и по законамъ 1864 и 1866 годовъ, и притомъ съ указаніемъ на разныя системы раскладокъ, господствующія въ Англіи, во Франціи и въ Пруссіи. Невозможно усумниться въ томъ, что русскіе образованные люди, такъ или иначе призываемые закономъ къ принятію участія въ дѣлахъ русскаго самостоятельнаго земскаго управленія, найдутъ въ этомъ третьемъ томѣ сочиненія нашего достойнаго изслѣдователя кн. Васильчикова весьма обильный источникъ и запасъ положеній и фактовъ для размышленія, для изученія и для приложенія къ земскому дѣлу. Мало въ этомъ III томѣ историческихъ замѣтокъ относительно древнихъ русскихъ законовъ и обычаевъ, и только въ I, встрѣчаемъ подходящую къ вопросу о раскладкахъ страницу: «въ противность англійскому порядку русскій законъ, или лучше обычай подвергалъ казенному обложенію не имущество вольное, а напротивъ такое, которое кромѣ фискальнаго тягла, исправляло повинность, оброкъ, или барщину» и т. д. «Такъ какъ тяглыя земли были во владѣніи простаго народа, то и повинности на него были возлагаемы и земскія права его не миновали. Отъ людей изъ простаго народа до XVII стол. выбирались земскіе старосты и цѣловальники, при участіи въ выборахъ лучшихъ, среднихъ и младшихъ; раскладка дѣлалась міромъ при посредствѣ выборныхъ окладчиковъ; всѣ податные верстались сами промежь себя, по животамъ, по промысламъ и по угодьямъ», и т. д. За то лишь тамъ находится единственная обличительная ошибка въ переводѣ древняго выраженія: по животамъ, на новый языкъ словомъ: по скоту.

Самое интересное для всѣхъ не спеціалистовъ въ финансовыхъ операціяхъ, это заключеніе III тома и всего сочиненія,— заключеніе, котораго послѣднія строки мы привели въ нашемъ разборѣ сочиненія кн. Васильчикова.

В. Лешковъ.

31 января 1872 года.

Дозволено Цензурою. Москва, 1873. Іюня 6-го дня.

Въ Университетской типографіи на Страстномъ бульварѣ.